

бы и вкусны, а потому сами дѣлаются жертвою всѣхъ.

Термиты обыкновенно живутъ въ лѣсахъ; но когда, по несчастію, приблизятся къ жилищу людей, тогда почти нѣтъ никакихъ средствъ отклонить ихъ разрушительное дѣйствіе. Они работаютъ съ быстротой и невѣроятной силой. Случалось, что въ продолженіе одной ночи они успѣвали пробуровать въ длину всю ножку стола, потомъ самый столъ и, продолжая работу, спуститься внизъ по противоположной ножкѣ.

Послѣ этого легко предвидѣть себѣ послѣдствія подобной работы въ брускахъ и срубѣ цѣлаго дома. Хуже всего то, что объ этой работѣ узнаютъ только тогда, когда уже поздно думать о ея прекращеніи. Люди живутъ въ домѣ, вполне убѣжденные въ крепости его стѣнъ, давно подрытыхъ термитами, и вотъ неожиданно, въ одно прекрасное утро, зданіе рушится. Мирно покоились довѣрчивые обитатели подъ его кровлей, нисколько не подозрѣвая, что на завтра его не будетъ.

Городъ Валенсія, въ новой Гренадѣ, подрытый подземными ходами, которые надѣлали термиты, держится теперь, такъ сказать, на воздухѣ, надъ этими опасными катакомбами.

Въ Рошелѣ мы сами видѣли страшное начало работъ; предпринятыхъ термитами въ одной части города, куда они были завезены на корабляхъ: Цѣлыя строенія теперь уже находятся въ поврежденномъ состояніи; деревянный матеріалъ, изъ котораго они построены, весь проточенъ и выдолбленъ; не оставлены даже въ покоѣ перилы и лѣстницы; по этому не опирайтесь на нихъ сильно, иначе они распадутся подъ вашей рукой. Эти страшные точильщики до сихъ поръ остаются, какъ мы сказали, въ одной только части города и какъ будто не желаютъ затрогивать остальныхъ; а иначе этотъ знаменитый въ исторіи и важный для торговли городъ постигла-бы участь Геркулана и Помпеи.

V.

ВѢРОВАНІЯ И ОБРЯДЫ АБХАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.

I.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Первобытныя времена. — Начало Христіанства у побережья и въ горахъ. — Апостолы и проповѣдники. — Поездка на праздникъ къ могилѣ Симона Зилота. — Буря въ горахъ. — Праздникъ. — Нуберъ Карейтъ и понятіе Горцевъ-Абхазовъ о мирозданіи.

Религіозныя вѣрованія нагорныхъ Абазеховъ представляютъ поразительную смѣсь христіанства, язычества, магометанства и даже іудейства, что вполне оправдывается историческимъ положеніемъ страны и ея обитателей, которые подчинялись безпрестанно-пзмѣнявшемуся вліянію различныхъ проповѣдниковъ слова Божія, — вліянію іудеевъ, Римлянъ, Генуез-

цевъ, Грековъ, Татаръ, Персовъ и Турокъ.... Абхазія дѣлается положительно извѣстною со втораго столѣтія. Довременная бытность этого края, въ религіозномъ отношеніи, ознаменована (какъ и у всякаго первобытнаго народа) идолопоклонствомъ, звѣрскимъ язычествомъ, глубоко пустившимъ свои корни, отпрыски которыхъ еще и теперь повсемѣстно встрѣ-

БРЬ.
ытый
нты,
надъ
ра-
асти
яхъ:
вре-
изъ
идол-
ѣст-
ьно,
аш-
мы
буд-
наче
гор-
а и

вѣд-
Ну-
бха-
это-
пгі-
каго
имъ
от-
рѣ-

яются между горцами. Древніе Генохи или Абазехи въ грубости и дикости понятій о молитвѣ и жертвахъ, приносимыхъ боготворимымъ предметамъ, умели превзойти всѣхъ дикарей-сосѣдей. Закланіе передъ огнемъ дѣтей, пожираніе труповъ умершихъ—давали имъ полное право на названіе антропофаговъ (т. е. людоедовъ), которое и осталось за ними. Еще и теперь у дикихъ обитателей вершинъ Черныхъ-горъ существуетъ жестокой обрядъ умилостивленія *Шага*, бога наѣздовъ, принесеніемъ въ жертву, предъ заповѣднымъ дубомъ, одной изъ красавицъ аула, когда два наѣзда сряду были неудачны. Въ 1843 г., во время моего пребыванія въ плѣну у горцевъ, князь Астанъ-Гори, по случаю вражды съ Цебельдинцами и послѣ двухъ неудачныхъ наѣздовъ, готовъ былъ прерваднодушно сжечь свою дочь: дѣвушка была уже на кострѣ, и онъ конечно сжегъ бы ее, если-бы въ эту минуту не подоспѣло извѣстіе, что два Цебельдинскихъ аула сожжены и болѣе сотни плѣнныхъ взяты съ бою.... Понятіе объ истинномъ Богѣ внесли въ горы Евреи времени библейскихъ; они первые посѣяли въ горахъ сѣмяна добра и подготовили горцевъ къ принятію христіанства. Разсѣяніе десяти колѣнъ Израильскихъ, а потомъ части двухъ колѣнъ Іудейскаго царства—привело вѣчныхъ странниковъ всего міра и въ Колхиду (*). Горцамъ, какъ людямъ особенно занятымъ мыслію о своихъ наѣздахъ и буйною жизнію, гдѣ добыча хищничества играла главную роль, было рѣшительно все равно, кого-бы ни слушать на досугѣ, въ темныя осеннія ночи. Они также охотно принимали новизну въ дѣлѣ вѣры, какъ равнодушно и охотно забывали старину. Конечно, не совсѣмъ измѣняя своему, вѣками привившемуся изувѣрству, они, при словѣ еврейскихъ выходцевъ, постепенно смягчали жестокость своихъ обрядовъ, и принимая новыя, увѣковѣчивали только смѣсь своихъ вѣрованій. Съ появленіемъ Евреевъ въ горахъ, получилъ начало и обрядъ обрѣзанія между абхазскими горцами. Впослѣдствіи тѣже Евреи, вмѣстѣ съ Греками, Римлянами, Сирійцами, выходцами изъ малой Азіи и Персами—снова внесли въ горы Абхазіи гнуснѣйшее язычество первобытныхъ поселенцевъ странъ Понтійскихъ... Но обра-

тимся, въ нашемъ легкомъ и краткомъ вступленіи, къ началамъ христіанства.

По свидѣтельству Проконія, народы, обитавшіе на западъ отъ Фазиса (Ріона), съ самыхъ первобытныхъ временъ христіанства, уже внимали слову Божию; особенно прибрежные дикари могли назваться хотя невѣжественными, но добрыми читателями Св. Креста... Этотъ свѣтъ христіанства возсіялъ въ горахъ востокъ по сошествіи на Апостоловъ Св. Духа. Могучее слово раздалось въ горахъ и дебряхъ Абхазіи. Апостолы: Петръ, Павелъ, Андрей, Симонъ Кононитъ или Зилотъ, Вареоломей, Филиппъ, Маріанна, Іуда Іаковлевъ, Матѣей, Іоаннъ Богословъ, Фаддей, вооруженные словомъ и терпѣніемъ, прошли съ крестомъ всѣ западныя страны Кавказа. Многіе изъ поборниковъ Христова ученія обрѣли здѣсь свою святую могилу... Апостоль Андрей претерпѣваетъ страшныя мученія въ Цебельдѣ... Преемникъ Петра, Симонъ Кононитъ или Зилотъ, убитъ въ горахъ Діаскуріи... Могилу, въ которой, онъ похороненъ преданными ему учениками, еще показываютъ и теперь, а многіе принимаютъ это мѣсто—за мѣсто погребенія Св. Апостола Андрея. Изъ грамматики же княгини Анны Абадшидзе, —данной при пожертвованіи Бичвиндской церквѣ, видно, что останки Св. Андрея покоятся въ Бичвиндѣ. Князь Астанъ-Гори, у котораго я находился въ плѣну, какъ и всѣ горцы, былъ строгій язычникъ и немного больше христіанинъ, чѣмъ магометанинъ. Вѣруя по преданіямъ всему безъ разбора онъ не пропускалъ никогда случая, въ день памяти, мученика Зилота, поклониться мѣсту его погребенія. Богомольцевъ собралось довольно много изъ Дазари и сосѣднихъ ауловъ. Дорога отъ послѣдняго, сѣвернаго рукава, Гумисты, идетъ вверхъ по горамъ едва замѣтными стежками и тропинками; на арбахъ тутъ нѣтъ проѣзда, и потому всѣ, и мужчины и женщины, отправились верхами. Князь взялъ меня съ собою... Съ первыми лучами весенняго солнца весь поѣздъ собрался на аульномъ косогорѣ. Горцы въ праздничныхъ нарядахъ, т. е. оборванные и босоногіе, но, на этотъ разъ, съ запасомъ самаго щегольскаго вооруженія, *джигитовали* до выхода князя; громкій и веселый хохотъ несся отъ колодца, гдѣ вѣтеръ волнами раскидывалъ по воздуху женскія чадры; ребятишки кувьрка-

(*) Древнее названіе Кавказа.

лись въ грязи, не боясь ея, потому что кромѣ соб-
ственного тѣла, имъ нечего было выпачкать; собаки
также не отставали отъ дѣтей и съ лаемъ и виз-
гомъ шмыгали подъ ногами горскихъ коней... Но
вотъ—все смолкло... Астанъ-Гори показался на по-
рогѣ сакли. Нугеръ подаль ему коня, и поѣздъ по-
тянулся гуськомъ въ гору; женщины были въ сере-
динѣ; я, по приказанію князя, ѣхалъ впереди его:
такой почетъ всегда предоставляется *лызырма* (плѣн-
никамъ) во избѣжаніе неприятели быть какъ ни-
будь ушибеннымъ. Цѣлыя сутки мы медленно пода-
вались впередъ, такими ужасными трущобами, что у
меня зеленѣло въ глазахъ и кружилась голова при
взглядѣ на пропасти, чернѣвшія на-право и на-лѣво...
Виродолженіе цѣлыхъ сутокъ горцы ѣхали, не про-
пустивъ ни зерна пищи, и короткій привалъ, кото-
рый сдѣлали въ мрачной и пустынной балкѣ Гуми-
Ашха, провели въ удивительномъ, ни чѣмъ нена-
рушаемомъ молчаніи. Ночью, при сильномъ вѣтрѣ,
съ проливнымъ дождемъ, застигла насъ на вершин-
нѣ горъ страшная гроза... Но кони были привычны
къ тропинкамъ и не пугливы, а *беллатъ* (провод-
никъ), знаніемъ каждаго кремня въ скалахъ опра-
вдывалъ общія надежды. Эта ночь дала мнѣ возмож-
ность полюбоваться дивною и страшною картиною.
Мракъ, непроницаемая, невообразимая, кромѣшная
тьма, такая тьма, что хоть уставъ кинжалъ между
глазъ—не увидишь... Порывистый вѣтеръ, кажется,
каждую минуту готовъ подхватить бурку, закрутить ее
около головы и швырнуть тебя въ самую преиспод-
нюю, въ объятія чорта или шайтана, оскалившаго
отъ удовольствія зубы... Косой дождь съ визгомъ
хлещетъ по кремню, лицу и плитняку... И вдругъ
долгая, ослѣпительно яркая молнія прорѣжетъ небо;
какъ будто облитая огнемъ, засеребрятся черныя
скалы, и видишь, какъ вокругъ, точно змѣи, свер-
кая золотистой чешуей, прыгаютъ и крутятся по
тропинкамъ дождевые потоки... И снова мракъ,
тяжелый, полный ужаса, съ тѣмъ же дождемъ и
вихремъ, въ которыхъ изрѣдка слышатся: —звонъ
узечки, дробь кремня, падающаго въ бездну отъ
конскаго копыты, да голосъ беллата: «*аллар-йки,
аллар-йки!*» (не наѣзжай!)

Къ утру стихла буря. Мы стали спускаться съ
предгорья. Туманъ, какъ густой дымъ, клубился

надъ балкою и скрывалъ отъ насъ все предметы,
раскинувшіеся предъ любопытнымъ взоромъ.. Въ
эту минуту передовые всадники, завидѣвъ конецъ
путешествія, по обыкновенію, начали отчаянную и
частую стрѣльбу. Князь ѣхалъ задумавшись и опустилъ
поводья;—вѣроятно и конь его мечталъ о чемъ ни-
будь... Встревоженный выстрѣлами, онъ быстро
прянулъ на дыбы и круто рванулся къ обрыву, такъ
что еще—бы одинъ шагъ, и Астанъ-Гори очутился—
бы у своихъ благородныхъ праотцевъ.. Не теряя
ни минуты, я успѣлъ схватить поводья княжескаго
коня..

— *Аларсыни!* (спасибо), спокойно и ласково
сказалъ князь.—Шайтанъ въ него вселился, что-ли!
Что съ нимъ сдѣлалось!—продолжалъ онъ, относя слова
свои къ коню.—У насъ есть вѣрная примѣта: если
на этотъ день ночь черна и бурна въ горахъ; да
если еще какойнибудь случай—не жди на цѣлый
годъ добра! Вѣрно опять проклятые Цебельдинцы
попросятъ у насъ нежаренаго шашлыка съ кни-
жала!...

Съ этими словами Астанъ-Гори, забывая корен-
ное правило, что плѣннику или ясырю не слѣзъ
скакать за своимъ властителемъ, съ видимой досадой
ударилъ коня нагайкою и выскакалъ въ балку, оста-
вивъ меня за собою. Дивною, величественною кар-
тину представляла мѣстность глубокой балки, об-
ставленной скалами, у окраины которыхъ вилел
кольцами терновникъ. При лучахъ выглянувшаго изъ-
за Гумъ-Ашхи солнца, какъ изумруды сверкали
дождевыя капли на молодыхъ свѣжихъ листьяхъ
лавра и чинара... Купы этихъ деревьевъ строй-
ными, вѣковыми исполинами разбрасывались въ
балкѣ; фазаны и карагуты, испуганные приходомъ
незваныхъ гостей, бойкими зигзагами вились надъ
ручьемъ, съ шумомъ и урчаньемъ прыгавшимъ по
камнямъ... Я искалъ глазами могилы святаго, пред-
полагая, что она должна быть у бѣлѣвшихся вдали
развалинъ какого-то древняго монастыря, отъ кото-
раго оставались теперь только полуразрушенныя стѣ-
ны, съ крошечными окнами;—и не обманулся... Бли-
же къ нимъ, за ручьемъ, высидились небольшія па-
сыпи, и одна изъ нихъ, съ водруженнымъ на ней
крестомъ изъ вѣтвей чинары, была, какъ я предпо-
лагалъ, предметомъ особенныхъ заботъ и почтенія

ѣ предметы, зоромъ.. Въ идѣвъ конецъ отчаянную и съ и опустивъ, о чемъ ни- онъ быстро обрыву, такъ и очутился.. Не теряя княжескаго и ласково- ля, что-ли! относя слова имѣта: если горахъ; да и на цѣлый Цебельдинцы а съ кин- ывая корен- не слѣзъ мой досадою балку, оста- зенную кар- балки, об- ыхъ вился гувшаго изъ- и сверкали ь листьяхъ евъ строй- вались въ приходомъ ились надъ авшимъ по ятаго, пред- ихся вдали отъ кото- пенныя стѣ- лся... Бли- большія на- мь на ней Б я предпо- и почтенія

горцевъ. Кругомъ этой насыпи или кургана шла грубо сложенная изъ известняка стѣнка, а за нею рядъ густаго самшита. Горцы прыгнули съ коней и сбатовали ихъ: женщины, по строгому правилу заповѣданному въ горахъ, не имѣя права молиться вмѣстѣ съ мужчинами, исключая одного дня, называемаго *днемъ Явленія Бога* ⁽¹⁾, перѣхали въ бродъ ручей и скрылись за кунями деревьевъ. Что дѣлали тамъ женщины, я не могу сказать, потому что долженъ былъ оставаться при княжескомъ конѣ. За тѣмъ горцы сбросили съ ногъ чевяки, — у кого они были, — а съ головы папахы, и отправились въ глубокомъ молчаніи черезъ бродъ, на противоположный берегъ ручья, къ кургану, обмывая въ то же время глаза и губы. Каждый изъ горцевъ вынималъ изъ бешмета кусокъ воска, скатывалъ его въ продолговатый шарикъ и, взойдя на вершину насыпи, клалъ воскъ у подножія креста; потомъ, прошептавъ что-то, припадалъ къ землѣ, и съ веселымъ видомъ, уступая мѣсто слѣдовавшему за нимъ, переходилъ снова ручей и отыскивалъ свою шапку.

— Какую же это молитву читаютъ твои кунаки, Карейтъ? спросилъ я нукера, присматривавшаго вмѣстѣ со мною за конями.

— Они говорятъ, отвѣчалъ нукеръ: — Татиши (старшина) боговъ нашихъ! усердно молимъ, не мети намъ за то, что наши отцы замучили тебя, и дай намъ удачу въ набѣдѣ на враговъ! — Вотъ и все..

— Ну, душа моя, и зрачекъ глазъ моихъ, Карейтъ, продолжалъ я изыскивая всевозможную чужь метафоръ, чтобы украсить мое слово. — Вотъ, я замѣтилъ, что твои кунаки, переходя ручей, обмывали губы и глаза... Значитъ, ужъ это такъ и быть должно?

— Конечно. Этимъ мы доказываемъ святому, что приступаемъ къ нему съ чистыми устами, откровенно, безъ лжи, а глаза омываемъ для того, чтобы онъ взглянулъ въ нихъ, не найдетъ ли въ нихъ лицемѣрія...

Отъ насъ приняты коней. Я и Карейтъ пошли также къ ручью. И я, также какъ спутникъ мой,

(1) Въ языческихъ обрядахъ на этотъ предметъ есть нѣсколько исключеній, но въ Христіанскихъ одно только: — День Явленія Бога. Объ этомъ будетъ сказано ниже.

обмылся въ ручьѣ; усердно помолясь на могилѣ святаго, я со вниманіемъ старался осмотрѣть курганы и открывавшіяся съ него окрестности: видно, что горцы съ особеннымъ благоговѣніемъ присматриваютъ за чистотою и опрятностью насыпи. Хотя весна еще только начиналась, но уже новый, свѣжій дернъ покрывалъ могилу мученика; дорожка къ кресту бѣлѣлась чистымъ пескомъ, а у подножія символа христіанства лежало вѣсколько увядшихъ вѣтковъ изъ раннихъ полевыхъ цвѣтовъ. Вообще мѣстность полна тишины и пріятнаго уединенія... За рѣдкими вправо деревьями высится древняя церковь, повидимому весьма хорошо сохранившаяся. По сторонамъ разбросаны развалины когда-то шумнаго и славнаго города. Горцы сами сознаются, что имъ положительно неизвѣстно, гдѣ именно покоятся св. останки проповѣдника: подъ спудомъ — ли церкви, или подъ этимъ курганомъ. Последнему мѣсту они вѣрятъ больше, потому что его показалъ одинъ странствовавшій въ горахъ грузинскій монахъ, заслужившій полное довѣріе и уваженіе горцевъ... Могила грузина показывается рядомъ съ могилою Симона. Возвращаясь назадъ, я увидѣлъ за ручьемъ цѣлый лагерь веселыхъ и довольныхъ богомольцевъ... Бурки и ковры, раскинутыя по травѣ, пестрѣли кружками, грузинскими азерпешами, ковшами и русскими солдатскими манерками, добытыми съ бою. Тутъ же граціозно вытанувъ подстриженные ножки, лежали бурдюки съ виномъ; это — самое сильное доказательство вліянія на нравы горцевъ краснорѣчивой проповѣди турецкихъ муллъ. Во всѣхъ направленіяхъ балки пылали огни подъ небольшими костерками, на которыхъ варилась сочная баранина, или уже отжившая свое время прошлогодняя кукуруза. Нѣкоторыя изъ женщинъ присматривали за конями, пущенными на траву; другія, съ веселымъ говоромъ и смѣхомъ, слѣдили за быстрымъ летомъ брошенныхъ въ ручей древесныхъ вѣтковъ и листьевъ. Вообще горныя абазехи, послѣ поста и воздержанія, имѣютъ милое обыкновеніе ѣсть до отвала, напиваться до нельзя и потомъ подрагаться. Однако благодаря присутствію князя, весьма уважаемаго своими горцами, — послѣдняго не случилось, и абазехи, хотя не совсѣмъ трезвые, но, на этотъ разъ, безъ царяпинъ возвратились въ свои сакли.

Изумительная смѣсь христіанскихъ истинъ съ язычествомъ и магометанствомъ проглядывающая въ каждомъ вѣрованіи, въ каждомъ религіозномъ обрядѣ абазеховъ, объясняется безпрестаннымъ наплывомъ въ горы учителей, выходцевъ и проповѣдниковъ всѣхъ странъ южнаго міра... Кроме Св. Апостоловъ, татары, турки, персы—вносили сюда свои проповѣди, а за ними іезуиты, грузины, армяне, монахи францисканскаго ордена и евреи... Греки открыли горцамъ много тайнъ своего Олимпа, и удивительно то, что до сихъ поръ рѣшительно никто изъ замѣчательныхъ ученыхъ авторитетовъ не замѣтилъ и, разработывая религіозную исторію древнихъ Припонтійскихъ странъ, не сказалъ ни полслова о богахъ: *Харисъ* (таже Венера), *Гей-Оалъ* (тотъ же Силень) *Ессысъ-Олмыкъ* (тѣ же ноеды или наши русалки) и проч., — которыхъ воображеніе горцевъ рисуетъ, разумѣется, своею кистью.

Конечно, если прослѣдить исторію распространяшагося Христіанства первыхъ временъ, то нельзя не убѣдиться, что оно имѣло перевѣсъ надъ всѣми другими исповѣданіями въ горахъ и особенно въ южной Абхазіи. Многочисленныя развалины храмовъ и могилы Святыхъ мучениковъ служатъ несомнѣнными и краснорѣчивыми подтвержденіями этой истины. Времена Юстиніана Великаго особенно знаменуются настойчивымъ введеніемъ христіанства въ Абхазію, начавшей—было въ этотъ періодъ забывать Св. проповѣдь... Юстиніанъ, именовался тогда царемъ Абхазіи. При немъ сооружается въ этой странѣ первый храмъ Богородицы... Избраніе двухъ католикосовъ, изъ которыхъ главнымъ остается Абхазскій; Учрежденіе епархіи и епархіальныхъ начальниковъ,—все это совершается въ девятомъ вѣкѣ. Въ началѣ XVI вѣка Левъ Дадіанъ креститъ 40000 абхазцевъ и поставляетъ надъ ними епископа... Но христіанъ истинныхъ безъ страшнаго языческаго изувѣрства, безъ склонности вѣровать во все, что сколько нибудь заманчиво, — и въ наше время немного, а тогда, конечно совсѣмъ быть не могло. Горцы охотно слушали все и всѣхъ, и впоследствии исламизмъ, обѣщавшій въ будущей жизни—не *блаженство*, но бездну наслажденій, имѣлъ, на чувственныхъ абазеховъ вліяніе, взявшее вѣсъ надъ кроткою и чистую проповѣдью Христа... Въ 1221 году являются

въ горахъ монголы; въ 1333 скажемъ кстати, монахи францисканскаго ордена проповѣдуютъ истинное слово Божіе и, съ расчетомъ на послѣдовательное дѣйствіе своего слова во многомъ уступаютъ мѣсто исламизму; въ 1484—85 гг. турки, взявъ Кафу (Феодосію), распространяютъ завоеваніе по сѣверо-восточному берегу Кавказа, проникаютъ въ горы, и хотя на ту же тему, какъ и монголы, но съ разными измѣненіями, сулятъ вѣрующимъ рай со всѣми его вещественными удобствами... Наконецъ,—нашествіе крымцевъ, персовъ, а впоследствии полная власть турокъ на берегахъ Чернаго моря — вносятъ въ горы догматы исламизма, которыя тамъ сильно прививаются. Кажется, первенство могло бы, по весьма многимъ причинамъ, заключающимся въ нравахъ, жизни и характерѣ горцевъ, остаться за мудрыми чтецами Корана... Ничего не бывало! повторямъ: Горцы ничего не отвергаютъ и не отвергали; принимая новизну, они вѣрны и старинѣ, и потому—то въ ихъ обрядахъ и вѣрованіяхъ столько безмыслицы, столько противорѣчій. Нельзя допустить и мысли о сознаніи и разумѣнці, а между тѣмъ; взглянувъ на молящагося горца, передъ огнемъ, деревяннымъ обручкомъ, на могилѣ христіанскаго мученика, въ минуту омовенія или намаза, невольно подумаешь, что онъ не пошатнувшись пройдетъ чрезъ Эль-Сыратъ.

Приступая теперь къ описанію смѣшанныхъ религіозныхъ обрядовъ нагорныхъ абазеховъ, я считаю не лишнимъ сказать о томъ, какое горскіе богословы,—если только они могутъ тамъ быть,—имѣютъ понятіе вообще о мірозданіи, о зиждителѣ міра.

Съ Карейтомъ мы были большіе друзья, но страшные враги съ Юзефомъ, княжескимъ пастухомъ, котораго я и убилъ во время моего бѣгства изъ плѣна (*). — Карейтъ, нерѣдко, во время отсутствія князя, темною ночью спускался въ мою яму, и мы бесѣдовали тогда втроемъ, т. е. я, собака-шайтанъ, дружбой которой я особенно пользовался, и старикъ нукеръ. Старикъ Карейтъ могъ назваться добрымъ малымъ и сострадательнымъ человѣкомъ, что у горцевъ, относительно гяуровъ, считается не добродѣ-

(*) Это обстоятельство рассказано мною въ краткихъ запискахъ о плѣнѣ. См. Современникъ 1848 г. № 8. Слѣсь.

тель, а злымъ порокомъ. Нукеръ являлся ко мнѣ всегда съ запасомъ чурека и кукурузы, съ видимымъ наслажденіемъ слѣдилъ за нашими обоюдными ласками съ собакой, и смотрѣлъ, какъ мы, оба одинаково голодные, взапуски пожирали его подачку. Карейтъ былъ очень любознательный горецъ и охотно бесѣдовалъ со мною. Я рассказывалъ ему о Россіи, о нашей городской и общественной жизни, о нашихъ женщинахъ,—что особенно интересовало его... Конечно, онъ многому не вѣрилъ и подозрѣвалъ, что я тѣшуся надъ его простотою; на примѣръ, ему казалось невозможнымъ, чтобы наши цивилизованныя дамы не носили шальваръ; не вѣрилъ онъ также, чтобы въ пароходѣ, который ему какъ-то случилось видѣть — не сидѣлъ чортъ... И когда я увѣрялъ его, что тутъ просто машина, и объяснялъ устройство ея сколько могъ и сколько умѣлъ,—горецъ, покручивая конецъ сѣдой бороды, шепталъ въ глубокомъ раздумьѣ: «Все это такъ... такъ! И пары, и поршни, и сало, и масло, какъ ты говоришь, — а безъ шайтана ни вы, ни пыхтѣлка ваша далеко не уйдете!.. Ужъ повѣрь мнѣ, Иванъ; я много видѣлъ, много испыталъ!..» Послѣ такихъ стоическихъ мнѣній я ни въ чемъ и никогда не возражалъ моему доброму собесѣднику. Многого я, какъ говорится, набрался отъ Карейта, вызывая его на откровенность своею словоохотливостію. Порядочно понимая русскій языкъ, онъ съ большимъ наслажденіемъ слушалъ мои пѣсни и стихи, которые я читалъ ему. Разъ мнѣ пришло на мысль сказать горцу нѣсколько строкъ изъ оды «Богъ» Державина. Старикъ внимательно слушалъ, и, по неизмѣнному обыкновению, закручивая конецъ своей бороды, выразительно замѣчалъ: «Якши, якши!.. Такъ-такъ!» хоть конечно многого не понималъ и останавливалъ меня на каждомъ стихѣ, требуя простаго и точнаго поясненія.

Духъ всюду сущій и единый... читалъ я... «Нѣтъ! Не такъ! вскричалъ Карейтъ, схвативъ меня за руку... — по нашему не такъ... Духъ не одинъ... ихъ два—равносильныхъ!» И старикъ началъ рассказывать исторію мірозданія, по своему, «и еумдрствуя лукаво;» но въ простотѣ вѣрованія наставлялъ много любопытнаго.

Видите-ли? по понятіямъ Карейта и его сородичей, было два духа, два невидимыхъ и неосязаемыхъ

существа, сильныхъ и могучихъ. Одинъ былъ хозяиномъ въ тѣхъ пространствахъ, гдѣ теперь восходитъ солнце, т. е., какъ надо догадываться, въ землѣ Абазеховъ; другой — гдѣ солнце теперь западаетъ,—вѣроятно во Франціи или Англии. Первый изъ нихъ хотѣлъ создать міръ, и особенно Абхазію, такъ, чтобы и въ людяхъ и въ природѣ проглядывало только одно довольство и добро; второй желалъ противнаго, т. е. чтобы люди были склонны къ пороку, чтобы они любили вино и почаще спотыкались въ горахъ, конечно, прося создавшаго ихъ, чтобы онъ уравнивалъ дорогу...

— Не многого-же онъ желалъ! замѣтилъ я Карейту.

— А вотъ ты посмотри, Иванъ, что дальше будетъ... Изъ этого разногласія, между зломъ и добромъ вышелъ споръ, а наконецъ и вражда.

— «Хорошо же, сказало доброе начало,—я сдѣлаю такъ, что существа, созданныя мною, будутъ благословлять и любить меня, а тебя они будутъ только бояться... Верховное начало зла только этого и хотѣло. Первый въ обладаемомъ имъ пространствѣ вздохнулъ, и явился воздухъ и видимое небо; бросилъ свой ноготь, и родилась Абхазія, ровная, гладкая; бросилъ волосъ своей бороды, и встали виноградныя лозы, дикія яблони, черешни и чинары; бросилъ чистую свою слезу и потекли Ріона, Ингуръ и Черное море. — Другой вздохнулъ—зашумѣли вѣтры, полился дождь, и земля, особенно Абхазія и сосѣднія страны начали набѣгать массами одинъ слой на другой... Тогда то всталъ Казбекъ, Эльборусъ и черныя горы; злой заплакалъ отъ радости и кинулъ на землю полбороды своей... отъ его слезы раскинулись болота и пропасти, съ ихъ шумящимъ водою русломъ; отъ волосъ поползли терновникъ крапива и ядовитыя растенія... Начало добра очертило мизинцемъ въ воздухѣ кругъ, и поплыло солнце... Зло сдѣлало ошибку и удовольствовалось только тѣмъ, что двинуло тучи, не указавъ имъ ни времени, ни мѣста, когда и гдѣ закрывать солнце. Доброе начало оторвало вѣтку чинара и бросило ее къ подножію Казбека, — явился баранъ. Зло за одинъ разъ сдѣлало двухъ: оторвало двѣ вѣтки терновника, одну побольше, другую поменьше, большую бросило на правую—побѣжалъ волкъ, меньшую на лѣво—завыла шакалка. Добро, дунувъ на горный мохъ, сотворило кошку,

зло тотчасъ же сдѣлало тигра... Вотъ такъ дошло дѣло и до человѣка. Доброе начало взяло виноградную ягоду, бросило въ долину *Амдзари* (*), и вышелъ абазинъ... зло задумалось, но сейчасъ-же полетѣло на вершину Казбека, схватило кусокъ чистаго снѣга, сорвало въ долину двѣ розы, и — содалась женщина, такая женщина, какой мы уже больше не увидимъ.

Абазинъ лежалъ подь виноградникомъ и общипывалъ ягоды, раздумывая, которая часть вкуса у барана, щипавшаго травку въ трехъ шагахъ отъ перваго жителя горъ... Вдругъ, передъ нимъ предстала женщина, бѣлая какъ горный снѣгъ, румяная какъ роза... Она улыбнулась такъ нѣжно, такъ страстно, что первый абазинъ невольно выплюнулъ недоѣденную виноградину и бросился на встрѣчу къ другу своей жизни...

Тутъ Карейтъ глубокомысленно вычистилъ свой наперстокъ, или трубку, какъ называютъ его горцы, скаталъ въ катышокъ листокъ табаку, закурилъ и продолжалъ, безпрестанно поплеывая на палецъ, который обжегъ, когда закуривалъ трубку.

— Ну вотъ и родились три сына...
— Какъ, три сына? спросилъ я.
— Три, внушительно произнесъ онъ, насупивъ брови. — Я забылъ, какъ ихъ звали... но ихъ было три: Первый былъ честище чести, второй умнѣ перваго и хитрѣ стараго ружья; да вѣрно онъ его и выдумалъ!.. Третій не хорошъ былъ, очень не хорошъ! Отъ перваго населились наши горы; второй — отецъ гяуровъ; вашъ отецъ; а третій народилъ *лэгэ*, презрѣнныхъ осетинъ.

Что можно было возражать почтенному Карейту на его сказанія?... Да онъ и не любилъ возражений.

Съ помощію почтительнаго молчанія и глубоковнимательнаго вида, который какъ-бы выражалъ, что слова благороднаго Карейта служили мнѣ истиннымъ свѣтомъ и вели меня къ прозрѣнію, — я заставилъ его высказать многое, что значительно помогло мнѣ въ послѣдующихъ описаніяхъ горскихъ обрядовъ какъ христіанскихъ; такъ магометанскихъ, еврейскихъ и языческихъ.

В. Савиновъ.

VI.

Б Е Л Л И Н И .

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Беллини родился въ Катинѣ, незначительномъ сицилійскомъ городѣ, расположенномъ у подошвы Этны, между Сиракузами и Мессиною. Отецъ и дѣдъ его были музыканты, и въ немъ съ дѣтства замѣтны были необыкновенныя способности и страсть къ музыкѣ такъ что отецъ, видя слабость его здоровья, долженъ былъ насильно отрывать его отъ фортепьяно, на которомъ онъ игралъ день и ночь.

Одинъ изъ друзей семейства Беллини, поражен-

ный гениальными способностями молодаго музыканта, отвезъ его въ Неаполь и помѣстилъ вольноприходящимъ ученикомъ въ тамошнюю Консерваторію. Успѣхи Беллини были удивительны; въ 1825 г. ему было всего 19 лѣтъ, когда онъ написалъ оперу и *Біанка и Джернандо*, представленіе которой тогда-же доставило ему извѣстность, и черезъ два года онъ былъ приглашенъ въ Миланъ, гдѣ написалъ «*Пираты*» — гениальное произведеніе, игранное на всѣхъ